

ВОСПОМИНАНИЯ.

Под красными знаменами.

Командующий 1-й конной армией тов. БУДЕННЫЙ.

Ночь. Посад летит во все. Развешены Подушечки. Остановился на пару минут и, встало, ошарашен вперед, и колеса дрожно отбивают такт.

Нам вправо катит на фронт.

Прикиньте и опасностям и в бесчисленных боях закаленные свой дух, буденный вы боитесь новых тревог.

С вечера оркестр развлекательно-разудалые песни и, не кончив одну, не слушая другой, запевает вновь.

На одной из станций в вагон "дурачок" парня гармониста, который обещал всю дорогу играть. Нерешительно и востроно багдале басы, тожно засорили о чем-то.

От шума и утреннего холода мы просыпаемся и слушаем.

Вспоминаются утренние деревни, страдающие матери, плачущие жены, надвигавшие силы в мужской работе в утринные, засажившие лошадиным трудом, отцы и матери.

Чтобы сбросить с сердца тяжесть дум, каждому хочется забавиться и, точно угадав общее настроение, о месте совралась и с липком пустилась в пляс колодой длинная парня.

— Ты так плавно Дюда плавно, Тошки, ахони Тоболька-а...

Вос захружилось в башмаках, диком расуле. Шел, оркестр вывелся.

— Штре круж!

Потеснялись, развалился. Ударил плахоту. Стоя стоя в вагоне до самого утра.

Утро. Станция забита опешоками. Крутом нервная суета. Чувствуется близость фронта.

На перроне, в вокзале и около вокзала прямо на мостовой выстроились бойцы в рваные в последних боях одежды. Их не усомнится узнать. Измученные лица, горящие злостью в больша глаза. Обожженные влозом и стужей, загорелые тела в рубищах вываливаются на кулак мусора, на грязной соломе.

На перевалках из разорванного беля вклетку забороные пятна крови. Обильными голосами, давясь—обидно и больно, востают:

— Британка, дай хлеба кусок. Два дня не ермали.

— Как собаки подкаем... У-у, иху мать! Наш полк строг перед вокзалом на площадке.

Пока встругали коней, полетом говорид реч. Не слушали.

Поспелись на коней и, построились вездичные колонами по четыре в ряд, ухаживались в путь-дорогу.

Прокатились через сонный провинциальный городишко. Из калиток и из-за крестных занавесок выглядывали уже привычные к тяготам гражданской войны обязательства.

Топа боюющих ребятшек проводила вояк с версту за город.

Расклевывая после дождя дорога, встает по холмам. Поки до вбодается на бурю, то толчет в дожде.

Навстречу стали появлять кучками и в одиночку.

... Армия отступает. По разбитому дождям, разбитому шоссе тянется оооо армия. Неурезанные большими перекладами, загнившие дощатые еше танкетки.

Вторые раненые лежат на землянках, расклевывая дрожа и брешка, которые то и дело проваливаются в бесчисленные выбоины и ямы. Лошадки то встают в наемности, то под ударами кнутов и плеток дергают нос всех сил. Трояка протинивает вальным боль, и они—опуза и вклетку и вклетку, по-солдатски, дергаются.

„БУДЕННОВЦЫ“.

Паша 3-я камера являлась пыткой для всей Сальской Окружной тюрьмы (Дон. Переселенная тюрьма старого времени). Мы жили в камере, правильной вместимостью до 70 человек, в дни гражданской войны на Дону, обратившись в настоящее, постоянную тюрьму для большевиков, где в момент, описываемый мною, находилось свыше 350 п.

Нужно ли говорить о тех условиях, в которых мы находились? Они поныне каждому, раз на одно место имелось пять кандидатов, устранившихся которым предоставлялось как им удобнее.

Начальник тюрьмы Рыковский объявлял всем отбывающим в нем, как он выражался, "судьбу гонимых, отбывающих, что более гонимые, — развитие, активное сосредоточилось именно в 3-ей камере.

Нас чаще порога нагайками, чаще расстреливали, чаще посылали на посылки, что бы поизмыслились, погумилась.

Распространяли в 3 камере, прозванной (самыми арестантами) "аэробом", исполняли по тюрьме без выражений.

Свободы "быв стей тюрьмы" мы имели через наше "радио" (кухню), где работали наши ребята, имеющие возможность в любое утро ходить артеды на базар за продуктами.

Все интересное они передавали в 3-ю камеру, где эти сведения обыкновенно, обрабатывались, в своего рода, "радио-вещалке", который передавался по всей тюрьме.

Кроме паша бок Казаки отступали в под Парижа и на их плечах все ближе продвигались к нам "красные". Фронт остановился на ст. Звеница (в 80 верстах от нас), и сегодня (дн февраля 1919 г.) мы решили еще раз дать весточку нашим ребятам—Душено и Буденному, конный корпус которых не давал покоя донам.

Мы писали одному из начальников: «Борьба Нам угрожает опасность: мы имеем верные сведения, что ген. Мамонтовым (тогда командующим фронтом) решено, после первого прихода, всех нас расстрелять. Нужно сделать так, чтобы у них головы показывались. Единственная надежда на тебя и наших ребят. Не опоздайте. Это второе письмо, которое мы шлем тебе. Ответа не имеем. Ждем в верях».

Письмо решено было отправить "с охраной", для чего сегодня же устроить побег. Раз повелось наше "радио" на базар должен был сопроводить стражник Соломо, разиня из разин. Кто должен бежать? Кому доверить? Остановились на мальке Бадме. Я, пользующийся относительной свободой по случаю исполнения обязанности тюрьмы фельдшера, переговорил с ним, вручил записку и просил поспешить.

Через 12—20 минут наше "радио", вместе с Бадмо, вышло из тюрьмы. Сзади было шестеро человек: два солдата, один лоом, Соломо. Когда они вернулись обратно—Бадмо уже не было: он залез в одну из лавочек, с разрешения Соломо, кинуть табачку—да так и ступил. В этот день начальник тюрьмы материнским не сколько часов подряд веза два бля Соломо и, наконец, посылал его в тюрьменный карцер, а о случившемся написал рапорт в Новочеркасск.

Жутко танулись дни и, особенно, ночи. Расстреливать участников. О каждой новой версты приближался фронт—падали настроенно арестантов, все чаще под палящими огнями мы видели своих родных, которые, рыдая, прощались по несколько часов, пока наконец, их не разогнали прикладами и пистолетом.

Овета на письмо не было. Опасались за Бадму, хотя он являлся и поперек знала Сальские степи. Штаб Мамонтова уже в степи (В.Кивиская, ныне "Пролетарская"), завтра, кажется, переберется дальше—в Торговку. На вокзале стоит еще поединный состав, охраняемый двумя нарядными броневиками.

Каждое утро наше "радио" ловит вестки, передавая, что местные маршут на тюрьму мясо, солонину, шуб, а это значит, что паши акции, вместе с улачами на фронт, поднимаются, чаще незаметно заносит в тюрьму "передатчик", тюрьменный ружье, а в сердце тоина дождем-ди, выключенными, уползет—ли наши помысли, хотя у Буденного—настойчивость. Там-же, с ними, Колпакова, Абрамов, Димазов—все ребята свои.

Ждем. "Радио" уже на кухне страгает—дождю ничего; фронт почти-что не передвигается, англичане прислали танки, французские лави авиационные аэропланы, а Кубани идут на помощь еще авиации. "Дилла" дивизия и персы самоинтервенту в правительный холлов, аэраков тропают мало.

В полдень, после прогулки и обеда, стражник Давыденко (это пап—большенный) отправляется домой.

А через полчаса опять в тюрьму, у окошечка 3-ей камеры:

— Хлопни, до Коваленко? Шинде сподобилась его до мена. Звонку получили вид братья, в хронку?

Я был в большом озабоченности. Там моя нация Бадма исполнит поручение. В ответе, имперским карандашом, отпустил: «Ждем все. Не заблуди—лошину. Все ребята согласны идти на выручку. Завтра делаем пробую—если удастся через 8—4 часа сумки у нас. Держитесь сами до нашего прихода. Тавараму надежда. Не шверюся. Через четверть часа тюрьма получила данные инструктора и окошечко начало готовиться».

Только поздно ночью паша камере уползла. Радости не было конца. На завтрашний утрот отомкнуть в каретке и золотое (подальше) запрягли насмы 4 вытнгов (спра и слева вытнгов) около 200 патронов в них и один старый паган в 7-ю латр (подельник) и упрел в кладовую, вояка брал для себя тюрьменный залат. Особые приказы с собой казаки-большевики, арестованные на фронте. Вытнгов и патроны охранялись совершенно

КРАСНАЯ АРМИЯ И РКК.

24 февраля 1918 г., тов. Троцкий говорил, подводя итоги истекшему году строительства Красной армии:

«Сомнения места быть не может... дело гонимых, что русский народ не создаст для себя в ближайшие месяцы армии, тот тем самым говорит, что история ставит крест на русском народе, и что труд его будет расклеван на части коршунами западно-европейского империализма... Коммунистическая партия не могла так смотреть на вопрос... мы не сомневались, что армия будет создана, как только она получит новую идею, новую нравственную основу».

И эту новую идею, новую нравственную основу дала Красной армии коммунистическая партия. Как случилось, что в обстановке «страшного отступления» перед империализмом, к вооружению партии удалось «создать» вооруженную силу, о которой Ллойд-Джордж в свое время говорил, что она угрожает существованию европейского капитализма.

По образу и подобию своему создал рабочий класс и его партия свою армию. Коммунистическая партия связала своей дисциплиной товарищеской дисциплиной, дисциплиной революционного долга, она непобедима своим железным единством, централизацией, связью вождя и руководящей с массой, крепкая своей классовой выдержанностью, могла своим единством и маневренностью.

Все эти качества коммунистической партии, эта «железная когорта революции» порождена созданной ей Красной армией.

Герхард Краузе в своих записках о «Восстании в Дюсселе» рассказывает о том, как представитель Франции проследовал к господину Эрлину на банкете с русским языком с легким южным акцентом» заявил, что французам пойдет вместе с казаками на Москву.

Это не случилось. Красная армия устояла на 8000-верстном фронте, «о котором враг-м не знает военной истории. Истекшая армия, запертый в осажденной

Сила Красной Армии в товарищеской спайке политического и командного состава с красноармейцами.

Ухают, бухают третий день. Пушки в ближних деревнях. Чехи на город прут стеной, Но пред стеной—залон стальной. Неколебимо смыкает ряд. Третий интернациональный отряд—Немец, китаец, катыш, мадьяр. Разный язык—общий удар. А во главе не солдат—крестьяне. И имя—Кремль: Отто Штейн,

И спойно вернулся к боям. Так в Берлине когда-то Штейн Шел на собрание в рабочий Фейрби *).

Собрали в мгноенье свой отряд; Жаркая речь и жаркий взгляд. Сказал револютор в сильных руках И указал на красный флаг. Не всем понятен чужой язык, Но к красному флагу всек привязан. Мускула не дрогнула на лице. Не серпане—бомба в каждом бойце. И снова под расклеванным градом В железный ряд залег отряд.

Третья ночь на окопы легла, Но не легла сонная мгла. Лижут орудья небо огнем, И под огнем светлей, чем днем. Метко враги выбрали цель,— Рвула шрапнель не одну шинель.

Враги растут из земли. Красные части кругом отпашан. Но телефон прокричал приказ: «Товарищ Штейн, надежда на вас».

Оторвался от трубки, строн и прим.

* Фейрби—по немцам собрание.

Красноармеец! В день 5-й годовщины Красной Армии помни: фронтов нет—опасность есть.

Наша Красная Армия.

«Единственная армия в мире, которая борется за идею»—так говорил про нашу рабоче-крестьянскую армию наш артель за границей.

И в самом деле.

Возьмем большую армию Франции. По приказу своих генералов, по приказу правительства багавров и капиталистов, эта армия сейчас встала в пределы Гурьянии и залезла богатый Рурийский бассейн. За что она борется? Здесь нет для—адесь только стремление к захвату. Что получают солдаты французской армии и их братья в городе и деревне? Успешно только их враг—французский капитал.

Возьмем мощнейший флот Англии, величайшей державы. Огромные броненосцы его на всех морях охраняют господство английского капитала. Где угнетенные ны народы, в Индии или Африке,—поднимают бунт против угнетателей, туда спешит английский флот, чтобы высечь войско и раздавить народное восстание.

Рабочий класс всего мира борется против гнета. А солдаты, дети рабочих, итадутся в армию, с винтовкой в руках, защищают этот гнет.

В армиях буржуазии нет и не может быть идеи. В рабоче-крестьянской Красной армии идея есть.

В чем эта идея? Сегодня, в пятую годовщину нашей армии, мы с гордостью говорим: это—наша идея, идея рабоче-крестьянской революции.

Красная армия выросла, можно сказать, прямо из пещлы. Она—плод самого творческого освобожденного класса. При

дарием не было советом. Рабочие и крестьяне создали эти советы на заводах, после свершения царя, но своей крови из деляя дугатом—от ставка и сохи. Старая армия разорвалась по домам, справедливо не желая бороться за интересы капитала. Советы отвергли буржуазную власть и перешли к советам. Борьба продолжалась—враг пооружился и натопула. Было необходимо защищаться—рабочие и крестьяне вписались в винтовку, носрлялись в ряды, призвали для обучения военному делу спецов, стали из своей среды выдвигать командиров. Сама создана Красная армия».

Чтобы перестроить мир, надо крепко держать власть в своих руках, надо раздавить врагов. Нужна диктатура, теоретическая власть. Красная армия—орудие этой диктатуры. Грозная для врагов, она—союзница всех борющихся против гнета. Ее считают своим рабоче и крестьянское всего мира. Об этом она громко заявляет на своих собраниях.

Советская власть — это оооо рабоче и крестьян. Красная армия—вооруженная рука этого союза, разбивающая всех тех, кто выстает против рабочей революции. Она разбилла генералов, выгнала из страны армии английской и французского капитала и польских папов. Она помогла создать мощную рабоче-крестьянскую армию в этих отсталых завоеванных нашей революцией.

В день пятой годовщины Красной армии вспомним же все ее подвиги и заслуги, и превратим ее парад в общее горющее всех трудящихся.

О червонно-казачьем эскадроне.

В поле—выки белый флаг, Ршечт выгоды злобный враг. День и ночь и день второй, День второй безумный бой Наш, бригадой подкреплен, Шлет на красный эскадрон. Снег широк, клубок в туче. В поле тих, и степь, и хруст, И дробят, как на дугу, Алы розы на снегу... День к закату. Скоро ночь. День второй уходит прочь. Отражен ночью сабельный—Кровь салтанатная тьма. Шлет клубок безбрежный свет, Делу конь и человек.

Мечет молнии гроза— Ни в атаку, ни назад. Выки пламенем в лицо, Ворог пламенным козырком. О банной горки чистый крик: — Эй, олавайся, большевик! Велел за враком—алли и стои.— Не слаетса эскадрон. Хотя срывает выстрел смерти Новых всадников о кони. Под пурговый дивий вод До рассвета дичится бой. А к утру затихло все. Смолкло выстрелное. Все погнало на снегу, *Но не сдались врагу.

Артеи Весельи.

Геннадий Коренев.

Наша Красная Армия.

«Единственная армия в мире, которая борется за идею»—так говорил про нашу рабоче-крестьянскую армию наш артель за границей.

И в самом деле.

Возьмем большую армию Франции. По приказу своих генералов, по приказу правительства багавров и капиталистов, эта армия сейчас встала в пределы Гурьянии и залезла богатый Рурийский бассейн. За что она борется? Здесь нет для—адесь только стремление к захвату. Что получают солдаты французской армии и их братья в городе и деревне? Успешно только их враг—французский капитал.

Возьмем мощнейший флот Англии, величайшей державы. Огромные броненосцы его на всех морях охраняют господство английского капитала. Где угнетенные ны народы, в Индии или Африке,—поднимают бунт против угнетателей, туда спешит английский флот, чтобы высечь войско и раздавить народное восстание.

Рабочий класс всего мира борется против гнета. А солдаты, дети рабочих, итадутся в армию, с винтовкой в руках, защищают этот гнет.

В армиях буржуазии нет и не может быть идеи. В рабоче-крестьянской Красной армии идея есть.

В чем эта идея? Сегодня, в пятую годовщину нашей армии, мы с гордостью говорим: это—наша идея, идея рабоче-крестьянской революции.

Красная армия выросла, можно сказать, прямо из пещлы. Она—плод самого творческого освобожденного класса. При